

Д. М. НАСИЛОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИЕ И ДРЕВНЕУЙГУРСКИЕ) В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 1969—1974 гг.)

В «Тюркологическом сборнике 1970»¹, составленном по материалам I Тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1967 г.), подводятся итоги исследований по основным направлениям отечественной тюркологии за предшествовавшие пятьдесят лет ее развития, в том числе и в области изучения древнейших тюркских письменных памятников — орхоно-енисейских и уйгурских. Последующий период характеризуется углубленным вниманием советских языковедов к древнетюркской проблематике. Заметно увеличился не только объем публикаций по этой тематике, но, что особенно примечательно, расширился и круг обсуждаемых проблем. Следует отметить, что в последнее время в научный обиход вводится и активно исследуется — прежде всего лингвистически — значительное число новых тюркских письменных памятников, относящихся к разным эпохам, и на этой базе появляются обобщающие работы по исторической грамматике и лексикологии отдельных тюркских языков². Все это, несомненно, способствует дальнейшему изучению грамматического строя тюркских языков в плане их исторического развития и в конечном счете — созданию сравнительно-исторической грамматики, по общему признанию, одной из насущных задач тюркологической науки. Письменные памятники служат, несомненно, «... главным материалом для исследования истории языка...»³. Вот почему нельзя не согласиться с тем, что «успехи и достижения в исторических и сравнительно-исторических изысканиях... теснейшим образом связаны с подготовкой и изданием описаний (по строго разработанной схеме) фонетического и грамматического строя тюркоязычных памятников рунического, уйгурского, арабского письма, а также транскрипционных текстов»⁴. Особое место среди других памятников принадлежит древнеуйгурским текстам, а также орхоно-енисейским надписям. Эти довольно значительные по объему связные автохтонные тексты дают представление о грамматике и лексике тюркских диалектов VII—XI вв., нашедших отображение в своеобразно обработанной эпитафийной форме, которую, возможно, следует рассматривать в качестве языка-койне, обслуживавшего ряд тюркских племен. Благодаря именно этим качествам данные памятники представляют необычайную ценность для истории языка. Поэтому достоверность вводимых в обиход языковых фактов, безупречность их интерпретации и строго аргументированное привлечение для сравнительно-исторических построений приобретает исключительную важность. В связи с отмеченным выше ростом интереса к исследованию древнетюрк-

ских памятников правомерно подвести некоторые итоги проделанной в этой области работы.

Прежде всего следует отметить, что число известных рунических памятников постоянно пополняется новыми находками, содержащими свежий для науки языковой материал, а также дополнительные сведения по древней истории народов Центральной Азии, Южной Сибири и других районов. Расширяется география находок рунических и руноподобных надписей, оставленных тюркоязычными народами. Таким образом, восемьдесят с лишним лет, минувшие после первой дешифровки рунической письменности (1893 г.), ознаменованы не только углубленным исследованием ранее открытых памятников, но и непрекращающимися поисками новых, интересными открытиями и находками, их непрерывным активным освоением, что, естественно, в свою очередь выдвигает новые проблемы перед рунологией⁵.

По-прежнему основными районами наиболее значительных находок рунических надписей остаются бассейн р. Енисей (Тува и Хакасия) и Монголия — старейшие центры древнетюркской государственности.

К 1970 г., например, усилиями одной лишь Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР (СТЭАН) на территории Тувинской АССР было обнаружено восемь неизвестных ранее надписей⁶, расшифровкой которых вместе с тувинскими учеными занимались также И. А. Батманов (1906—1969)⁷ и С. Г. Кляшторный.

Летом 1970 г. один из отрядов СТЭАН обнаружил в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР, в долине реки Демир-Суг, притока Улуг-Хема, стелу с тремя строками рунических знаков (10, 30 и 20 и тамга)⁸. Содержание надписи трафаретно, и она в этом смысле не выделяется среди прочих енисейских эпитафий VIII—XII вв. Более интересна тамга на стеле, поскольку она по начертанию совпадает с таковой на пятом Чаа-Хольском памятнике.

В 1970—1973 гг. ряд надписей был обнаружен в Саянском каньоне Енисея, где за это время найдено семь стел или фрагментов стел, три наскальные надписи, не говоря уже о многочисленных петроглифах древнетюркской эпохи⁹. Эти надписи, которые можно датировать IX—X вв., объединяются в одну группу на основании совпадения тамг, что говорит об их принадлежности к единой родо-племенной группировке древних кыргызов, проникавших в каньон из степной долины Енисея.

В 18 км от начала каньона, у впадения р. Хемчик в Енисей, на скалах Хемчик-Боома найдены тюркские тамги, и среди них два рунических знака, которые читаются как *qut* 'душа, счастье, благодать'¹⁰. В указанных работах сообщается еще о двух находках в этом районе. Почти на самом берегу Енисея обнаружены два обломка одной стелы, на которой имеется фрагментарная надпись из трех строк (сохранилось около девяти рунических знаков). Судя по тамге, стелу можно датировать IX—X вв. Здесь же найден фрагмент еще одной стелы с остатками трехстрочной надписи. Видимо, дальнейшее исследование Саянского каньона весьма перспективно¹¹, поскольку многие обнаруженные здесь находки, частью еще не опубликованные, проливают свет на древнюю историю этих мест¹².

В 6 км от устья р. Хемчик, недалеко от минерального источника Йир-Сайыр, на двух стелах из бурого песчаника сохранились остатки рунических надписей¹³. На первой из них видна тамга и один знак *g²*—*eg* 'муж, мужчина'. На второй стеле с южной стороны просматриваются две строки, в которых можно выделить около сорока рун, а в двух

строках юго-западной — около двадцати. Поверхность камня сильно повреждена, поэтому чтение надписей весьма предположительно.

Часть уже известных памятников Хакасского ареала переиздана И. А. Батмановым и О. В. Субраковой¹⁴. Тексты десяти памятников, хранящихся в Минусинском краеведческом музее имени Н. М. Мартынова, были заново эстампированы, прочитаны и переведены на русский и хакасский языки, причем авторы в своей работе опирались главным образом на опубликованные в известной книге С. Е. Малова надписи¹⁵. Авторы внесли некоторые уточнения в чтение текстов и в переводы. Поскольку фотографии текстов памятников в этом издании нельзя, к сожалению, признать удовлетворительными, большое значение приобретают приведенные четкие прорисы, требующие лишь незначительных уточнений. Однако предстоит еще немалая работа по выявлению следов рунических знаков на памятниках для заполнения некоторых лакун в чтении¹⁶.

Есть публикации новых находок и хакасских памятников: обнаружен еще один, теперь уже шестой, памятник из долины р. Уйбат, левого притока р. Абакан, также расположенный вблизи бывшего улуса Чаркова¹⁷. На двух сторонах песчаниковой плиты нанесены надписи из трех строк (тридцать рун в каждой строке), сохранность памятника средняя, содержание — эпитафия.

Таким образом, в Туве и Хакасии постоянно обнаруживаются новые эпиграфические памятники¹⁸. К этому же ареалу примыкают и алтайские памятники.

Чтение рунической надписи у с. Бичикту-Бом Онгудайского р-на Горно-Алтайской АО, обнаруженной в 1962 г., было подвергнуто ревизии Е. И. Убрятовой на основе осмотра надписи в 1966 г.¹⁹ В отличие от ранее предложенных вариантов интерпретации²⁰ Е. И. Убрятова, основываясь на анализе рунических знаков, читает текст (сорок три знака) сверху вниз и по содержанию считает его *алгыс'ом* 'благожеланием', обращенным к духу-покровителю данного места.

Летом 1969 г. на левом берегу р. Бар-Бургазы, одного из истоков р. Чуи, в 30 км от райцентра Кош-Агач (Горно-Алтайская автономная область) была обнаружена стела с типичной древнетюркской эпитафией²¹. На одной грани стелы хорошо сохранилась однострочная надпись (39 рун), читается она снизу вверх и является девятым из найденных на территории Алтая рунических текстов.

Советские ученые в содружестве с монгольскими коллегами продолжали поиски эпиграфических памятников в другом, очень важном в этом отношении районе — Монголии. Большой успех выпал на долю С. Г. Кляшторного, известного интерпретатора древнетюркских текстов. В 1968—1969 гг. ему удалось посетить наиболее важные районы, некогда «входившие в состав тюркских каганатов, в том числе Хангайскую горную страну, Монгольский и Гобийский Алтай, котловину Больших озер, Южную Гоби. В той или иной степени были обследованы 51 тюркская и 2 согдийские надписи²² на стелах, отдельных камнях, в составе наскальных комплексов... и на предметах»²³. Важным результатом этих исследований следует признать вывод о том, что руническая письменность в Монголии в древнетюркскую эпоху имела широкое распространение, и ею владел значительный круг людей. Кроме того, выяснилось, что не только во Втором, но и в Первом тюркском каганате существовал обычай установки при погребениях стел с надписями (см. упоминавшуюся сино-согдийскую надпись)²⁴.

Из опубликованных из этой группы рунических текстов следует отметить прежде всего так называемую Чойрэнскую надпись из Восточ-

ной Гоби (Восточно-Гобийский аймак). Надпись на каменной бабе была обнаружена еще в 1928 г.; ее предварительное чтение предложил С. Е. Малов²⁵. В 1968 г. С. Г. Кляшторный провел ревизию сильно поврежденного текста. Как выяснилось, сохранилось 72 рунических знака в шести строках, расположенных бустрофедоном, несколько тюркских тамг, в том числе и тамга второй тюркской династии²⁶. Надпись принадлежит, по мнению С. Г. Кляшторного, «вождю из племени ашидэ» — Тоньюкуку, она может быть датирована между 688—691 гг. и поэтому правомерно считать ее «самой ранней датируемой древнетюркской надписью, первым письменным памятником Второго тюркского каганата»²⁷.

Интересен также Сэврэйский камень, тюрко-согдийская билингва, к сожалению, сильно поврежденная²⁸. Стела находится на крайнем юге пустыни Гоби, в 6 км к юго-востоку от Сэврэй-сомона. На ее лицевой грани расположены две надписи — тюркская и согдийская, по семь строк каждая. В тюркской части сохранилось около 55 рун. Памятник датируется эпохой существования в Монголии Уйгурского каганата (744—840 гг.), а если принять предлагаемое чтение имени собственного уйгурского кагана и согласиться с толкованием содержания надписи, то наиболее вероятна дата около 762 г.

Чтение надписи из двадцати трех знаков (обнаружена в 1949 г. около Ховд-сомона Южно-Хангайского аймака МНР, ныне хранится в Улан-Баторе в Институте истории Академии наук МНР), а также два возможных варианта ее перевода предложил В. М. Наделяев²⁹.

К сожалению, все еще существует значительный временной разрыв между сообщением о находке нового рунического текста и его публикацией.

Известные до сего времени рунические памятники из долины р. Талас (Киргизская ССР) были переизданы И. А. Батмановым³⁰. В этом издании представлены тексты двенадцати памятников и три надписи руноподобными знаками на венчике хума и двух камнях; здесь кратко изложена история их открытия и публикаций, дается анализ текстов, рассматриваются их графические и языковые особенности: фонетическая система, морфологические явления, лексический состав, имеются индекс слов в оригинальном написании и глоссарий. В брошюре, построенной аналогично другим изданиям, осуществленным под руководством и при участии И. А. Батманова, приводятся фотографии памятников и их выверенные прорисы, транслитерация, транскрипция и перевод. По мнению автора, графически таласские памятники представляют собой разновидность енисейского рунического письма, хотя в них и имеются своеобразные буквы. В их языке отмечаются говоры трех типов: *э||и, с||ш*, узкие лабиальные||нелабиальные. Как считает И. А. Батманов, указанные факты позволяют предполагать, что руническую письменность в этот район занесли тюркские племена, переместившиеся со среднего и верхнего течения Енисея³¹.

Растет число находок рунических или рунообразных надписей в юго-восточной Европе³². И хотя порою возникают споры об их языковой принадлежности, многие ученые все же склоняются к мнению, что они оставлены тюркоязычными народами³³.

Рядом с Хумаринским городищем (Карачаевский р-н Карачаево-Черкесской АО) обнаружен еще один центр рунических писаниц — городище Кара-Кент. Здесь надписи нанесены на обломках каменных стен³⁴. Руны этих надписей совпадают с рунами на баклажках Новочеркасского музея и Маяцкого городища. Найдены рунические знаки и в аланских катакомбах у Токмак-Кая³⁵.

Камень с восемью руноподобными знаками (две строки) найден в 1958 г. в с. Юрьево Марийской АССР во время прокладки водопровода³⁶. Судя по языку, надпись можно датировать X—XI вв.

Наконец, следует отметить небольшие руноподобные и рунические надписи на всевозможных предметах быта, найденных в различных местах, чаще всего при археологических работах³⁷. Эти находки представляют, помимо лингвистического, еще значительный историко-этнографический интерес.

Говоря о результатах рунологических исследований, широко развернувшихся в Казахстане³⁸, следует упомянуть о публикации нескольких рунических надписей, обнаруженных прежде всего благодаря усилиям проводящейся здесь специальной эпиграфической экспедиции³⁹. К сожалению, пользоваться этими публикациями нужно осторожно в связи с их противоречивостью, прелиминарностью и во многом спорностью прочтения, слабой документированностью, некачественным воспроизведением оригиналов. Так как на основе таких материалов нередко делаются далеко идущие, порой несколько поспешные выводы, например, об обнаружении тюркских надписей руническим алфавитом, датированных V—IV вв. до н. э.⁴⁰, нужда в новом критическом и более достоверном издании эпиграфических памятников из Казахстана особенно назрела.

О значительно возросшем в последние годы интересе к памятникам рунической письменности говорит хотя бы то, что публикации на эту тему вышли за пределы научных изданий. Сообщения о надписях (конечно, «самых древних» и «уникальных») стали встречаться на страницах литературных, научно-популярных журналов и даже газет⁴¹. Ясно, что в таких случаях бывает трудно избежать издержек. Безусловно, знакомить широкого читателя с древней историей народов, с культурным наследием прошлого, с состоянием научной разработки проблем рунологии важно и необходимо. Однако делать это следует квалифицированно, не допуская профанации, не поддаваясь соблазну сенсационности.

Осуществленный в последнее время повторный осмотр многих ранее обнаруженных рунических памятников показал, что имеющиеся их публикации страдают рядом изъянов. Прежде всего это касается точности передачи рунических знаков. В известной мере это объясняется тем, что многие енисейские и орхонские надписи воспроизводились (эстампажи, прориси и т. п.) еще до расшифровки рунического алфавита. При последующих переизданиях в чтение отдельных текстов вносились уточнения, однако полная ревизия прочтений и переводов на основе тщательного анализа памятников, придирчивой проверки каждого знака на них до сих пор не производилась. Подготовка корпуса рунических надписей, учитывающего достижения в этой области и являющегося исчерпывающим сводом всех известных на сегодняшний день текстов, исполненных орхоно-енисейским письмом, остается одной из актуальных проблем современной тюркологии. Советские ученые располагают всеми возможностями для ее решения. Поэтому можно надеяться, что задача, поставленная в резолюции VI Тюркологической конференции в Ленинграде (1973 г.) — «приступить к подготовке свода древнетюркской эпиграфики»⁴², будет выполнена в ближайшие годы.

В последнее время произошли заметные сдвиги в деле освоения богатейшей коллекции древнеуйгурских памятников, хранящейся в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР⁴³. Обработку уйгурского фонда и подготовку к печати древнеуйгурских текстов различного содержания осуществляет в основном Л. Ю. Тугушева, уже опубликовавшая ряд текстов⁴⁴. Ею сделана выборка из фонда фрагментов, относящихся к уйгурскому пе-

реводу биографии Сюань-Цзана, и подготовлена на этой основе книга (около 10 а. л.), включающая сводный текст с переводом и комментариями. Следует отметить, что эти публикации подготавливаются по единому плану: в них, как правило, приводится фотокопия рукописи, даются транскрипция текста, его перевод, комментарии к тексту, глоссарий с точной фиксацией каждого случая словоупотребления, а зачастую и индекс морфологических показателей. Несомненно, что такая детальная обработка издаваемого текста, соответствующая современному уровню публикации письменных памятников⁴⁵, облегчает его использование как лингвистами, так и другими специалистами.

Совершенно очевидно, что вновь поступающий языковой материал требует лингвистического анализа. Вместе с тем существуют и общие актуальные задачи исследования всех известных древнетюркских памятников. Одной из них является разработка основ рунической и древнетюркской палеографии, всестороннее изучение графических систем, в частности таких вопросов, как «эволюция графики, относительная и абсолютная датировка памятников на ее основе, отражение в графике звуковой стороны языка и проблема соотношения графема — фонема — вариант фонемы»⁴⁶; сюда же примыкают вопросы возникновения и формирования ранних тюркских алфавитов, приемов адаптации их прототипов применительно к тюркским языкам.

Отрадно отметить, что и советские тюркологи в последние годы стали вплотную заниматься этими проблемами. Здесь хотелось бы выделить содержательную статью И. В. Кормушина «К основным понятиям тюркской рунической палеографии»⁴⁷, представляющую собой одну из первых не только в отечественной, но и в мировой тюркологии попыток подойти к рунической графике с позиций современной палеографии. Основное внимание автор статьи уделил выяснению типологии знаков рунического алфавита, их графемологическому анализу, установлению изменчивости графических элементов букв в зависимости от времени и места применения алфавита и квалификации подобных изменений в качестве датирующих графических примет. Одновременно И. В. Кормушиным затрагиваются и вопросы отражения звуковой стороны тюркского языка в руническом алфавите, в особенности — гласных, вокалической системы языка, употреблявшего алфавит — прообраз тюркского рунического письма, принципов передачи орхоно-енисейского письма в транскрипции и транслитерации (здесь наиболее рациональна интерпретирующая транслитерация, т. е. транслитерация с частичной фонематической интерпретацией). Автор выделяет одиннадцать ведущих, глобальных датирующих примет орхоно-енисейского письма в начертаниях

знаков для t^1 , s^1 , $\ddot{u}k$ (руна) , b^2 , r^1 , $\ddot{u}$ (руна) , q , t^2 , n^2 , z , m ,

позволяющих в совокупности с вспомогательными, дополнительными приметами и локальными вариациями графем отнести каждый недатированный памятник к одному из трех периодов: 1) первая половина VIII в.; 2) вторая половина VIII — первая треть IX в.; 3) не старше второй половины IX в. Палеографический анализ енисейских памятников позволил исследователю сделать вывод, что все они без исключения написаны по з ж е первой трети или даже первой половины IX в. Это положение И. В. Кормушина хорошо согласуется с гипотезой Л. Р. Кызласова о более позднем, нежели до последнего времени считалось, времени появления енисейских памятников.

Большая работа по изучению графической системы орхоно-енисейских памятников проводится А. С. Аманжоловым. Тюркский рунический алфавит, имеющий длительную историю развития, в целом достаточно

рационально репрезентировал звуковую систему древнетюркского языка, однако интерпретация ряда фонем, обозначаемых руническими знаками (особенно локальными вариантами последних), представляется до сих пор неоднозначной и спорной. А. С. Аманжолов еще раз обратился к установлению системы употребления знаков для обозначения гласных и согласных фонем и их оттенков в языке орхонских, енисейских и таласских текстов⁴⁸. Он рассмотрел звуковую систему (8 гласных и 16 согласных фонем) и способы отображения фонем на письме с помощью знаков (в орхонских памятниках 35 фонограмм или букв и 4 знака для сочетаний согласных звуков), составил уточненный список рунических знаков в их разнообразных графических вариантах по трем локальным группам памятников (2 таблицы), а также предложил уточнения звукового содержания ряда рунических знаков. Реальными звуками, передаваемыми рунами

» и X, были, по мнению автора, $d \sim \delta \sim t$

($d' \sim \delta' \sim t'$), выступавшие как произносительные варианты фонемы d . Особое внимание автор уделяет фонетическому толкованию знаков

И, , .

⁴⁹ Для первого знака он предполагает собственное значение i, i ; следовательно, по его мнению, звук e (закрытое e) в енисейских текстах

не имел специального обозначения. Знак А. С. Аманжолов читает

как gt в словах agt 'перевал', $qagt$ 'рана, язва'. Поскольку в ряде енисейских текстов знак представляет собой графический вариант для $пс$, автор допускает возможность (привлекая орхонский знак для $\tilde{j}$) существования орхоно-енисейского чередования $\tilde{j} \sim пс$ как «древнейшего фонетического явления диалектного характера». Этимологизируя на этой основе имя Тоньюкук, он возводит его к глаголу $*tup\dot{s}u-+-q-$ (показатель интенсива) 'печалиться, хмуриться' и видит здесь отглагольное прилагательное «печальный, опечаленный».

Занятия рунической графикой выдвинули перед автором проблему возникновения орхоно-енисейского письма⁵⁰. А. С. Аманжолов, отмечая несомненные генетические связи этого алфавита с древними письменностями Средиземноморья (финикийской, карийской, ликийской, древнегреческой, итальянской и др.), считает, однако, что тюркский рунический алфавит не восходит непосредственно к ним, а к некоему общему древнейшему источнику алфавитных письменностей, каким могло быть какое-то раннее (и пока неизвестное) логографическое (идеографическое) или алфавитное письмо III—II тысячелетия до н. э. Исходя из данных руноподобных памятников, обнаруженных в последнее время казахскими археологами (см. выше)⁵¹, А. С. Аманжолов склоняется к мнению, что «тюркоязычные племена пользовались этим алфавитным письмом (руническим. — Д. Н.) с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до конца I тысячелетия н. э.»⁵². В связи с этим автор пересматривает в этих широких рамках хронологию ряда недатированных памятников: так, он предполагает, что таласские памятники могут охватывать отрезок времени со II в. до н. э. по VII в. н. э., а отдельные енисейские памятники

могут относиться к скифскому времени (возможно, начиная с VII в. до н. э.). Эта гипотеза о столь древнем происхождении части таласских и енисейских памятников, а также рунического письма существенно расходится с традиционными положениями тюркской рунологии (ср. точки зрения В. В. Радлова, С. Е. Малова, И. А. Батманова, Л. Р. Кызласова, Дж. Клосона и др.) по этим вопросам. Гипотеза А. С. Аманжолова пока еще не получила широкого признания у специалистов.

Проблеме формирования рунического алфавита посвящена также статья А. Махмутова⁵³. Автор считает, что этот алфавит был создан самими древними тюрками, которые образовали его знаки «от разных рисунков, то есть пиктографических знаков», видимо, «еще во времена племенных союзов усуней и кангюй, то есть далеко до нашей эры»⁵⁴. В качестве доказательства этих положений автор сопоставляет звуковое значение руны с казахским звучанием названия какой-либо реалии, поскольку последний звук слова (иногда почему-то и первый?) якобы

определял содержание руны, например, $\downarrow, \Upsilon$ (л) восходят к назва-

нию 'крючков для вешалки', по-тюркски *ilgek* от *il-* 'повесить'; знаки

для н $\downarrow, \Upsilon, \Im$ «напоминают разнovidные изображения нор (*in*)» и

т. п. Такого же характера объяснение получили и знаки: б, й, л, к, ғ, р, г, нт, о, у, с, т, а и др. Произвольный характер и необоснованность подобного метода очевидны, хотя в целом давнюю идею об элементах пиктографичности в тюркском руническом письме полностью отвергать не следует, по крайней мере до того времени, пока не получат достаточно удовлетворительного объяснения все прототипы рунических знаков. В связи с этим следует указать на недавнюю попытку Дж. Клосона соотнести рунические знаки для согласных в словах твердоядных со знаками согдийского и пехлевийского алфавитов, а знаки для согласных в словах мягкоядных — с буквами греческого алфавита, хотя и в таком случае часть рунических знаков не находит соответствий и может считаться «изобретенной»⁵⁵.

Одной из существенных проблем рунологии является определение места языка рунических надписей среди языков, отраженных в других письменных памятниках, а также по отношению к современным языкам. К сожалению, в отечественной тюркологии по сей день не изжито глубоко ошибочное отождествление языка орхоно-енисейских памятников VII—XI вв. с пратюркским языковым состоянием. Уже первые интерпретаторы рунических текстов считали, что язык упомянутых памятников репрезентирует лишь один из этапов исторического развития тюркских языков, имевших и до орхонского периода длительную историю. Вполне допустимо предположить, что в указанный период наряду с орхоно-енисейскими существовали в обширном регионе и многие другие тюркские языки и диалекты, возможно, даже литературные или с развитой эпической традицией. Такая точка зрения высказана, например, уже в работе А. Н. Самойловича (1918 г.), опубликованной недавно⁵⁶. В последние годы ведущие советские тюркологи неоднократно обращали внимание на недопустимость упрощения общетюркских, пратюркских построений. И. А. Батманов отмечал, что «тюркская речь сложилась до возникновения орхоно-енисейской письменности»⁵⁷ на базе многих близких между собой древнетюркских диалектов и говоров.

Ошибочно также усматривать в языке орхоно-енисейских памятников абсолютно архаичный тип языка: ряд явлений в нем оценивается теперь как инновация. «Орхонские и енисейские надписи, если не считать известной системы счисления..., в корнях числительных содержат материал более новый, чем, скажем, в некоторых частях чувашский язык или джушский говор узбекского языка»⁵⁸.

На фоне этих замечаний, а также с учетом аксиоматических положений сравнительно-исторических штудий о понимании праязыкового состояния и о возможности его реконструкций странным анахронизмом выглядят встречающиеся в некоторых новейших тюркологических работах высказывания типа: «Окончательная расшифровка орхоно-енисейских памятников датским ученым В. Томсеном в конце XIX века (1893 г.) показала, что язык обелисков с некрологами можно считать пратюркским, однако следует особо отметить, что от чувашского языка он отличается такими же фонетическими и морфологическими особенностями, как и остальные современные тюркские языки»⁵⁹.

Столь же основательны и возражения против прямых, непосредственных сопоставлений языка древнетюркских памятников с современными языками, все еще встречающихся в отдельных тюркологических работах, хотя против этого протестовал Э. В. Севортян еще в 1959 г.⁶⁰. В заключение сошлемся на слова Э. Р. Тенишева: «Не следует преувеличивать значения древнетюркских письменных памятников. Они могут быть использованы в сравнительно-исторических исследованиях лишь как материал наряду с другими источниками»⁶¹.

С точки зрения И. А. Батманова, «современные тюркские языки являются потомками видоизменившихся и впитавших ряд новых элементов древних тюркских диалектов»⁶². Поэтому он считал возможным проследить, с одной стороны, диалектные различия в языке памятников (прежде всего енисейских и таласских) и, с другой — сопоставить их с судьбой аналогичных явлений в современных языках, исторически наиболее связанных с древнетюркским ареалом: в тувинском, шорском, хакасском и отчасти якутском. На основе анализа вариативности написания слов в памятниках И. А. Батманов выделил десять изоглосс, различно сочетающихся в текстах, что дало ему основание сделать вывод о наличии двух «явно выраженных наречий: э и и», а также заключить, что «в орхоно-енисейский период существовали еще племенные, а не территориальные диалекты»⁶³. Как известно, положение И. А. Батманова о существовании двух орхоно-енисейских диалектов оспаривается некоторыми тюркологами⁶⁴.

В духе идей И. А. Батманова выполнено исследование К. Аширалиева о древнетюркских элементах в современных языках⁶⁵, в котором прослеживается отражение в разных ярусах современных языков отдельных явлений фонетики, лексики и морфологии, зафиксированных в рунических памятниках. Как указывает автор, в языках пяти классификационных групп (туркменском, узбекском, уйгурском, тувинском, хакасском, киргизском, алтайском, казахском и каракалпакском) отмечается сходство с языком рунических памятников в слоговой структуре слова, в функционировании основных грамматических категорий, а также сохранение большей части древней лексики.

А. Курышжановым рассматриваются некоторые закономерные явления в языке древнетюркских, а также ряда средневековых памятников в основном в области фонетики (чередования ч/ш, ш/с, й/ж, б/м, ғ/й, и, е) и аналогичные процессы в современном казахском языке⁶⁶. На факты сохранения в казахских топонимах древнего чередования ч/ш указывает В. Койчубаев⁶⁷. Наконец, сопоставления фонетических и грамматических

фактов древнетюркских языков с современными языками проводятся в многочисленных исследованиях по исторической фонетике и грамматике тюркских языков, появившихся за последние годы⁶⁸.

Сравнив грамматические особенности орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников, В. Г. Кондратьев пришел к выводу, что при незначительной вариативности «в обеих группах памятников нашел отражение единый язык, бытовавший на территории Центральной Азии в течение нескольких столетий»⁶⁹, для обозначения которого можно использовать термин «древнеогузский язык».

На существование у тюрков весьма длительной литературной традиции, нашедшей отражение уже в орхоно-енисейских памятниках, указывают Э. Р. Тенишев и А. М. Щербак, исходящие из сравнения морфологических и фонетических черт древнеуйгурского языка и языка «Кутадгу билиг»⁷⁰. Художественный литературный язык, бытовавший в период орхоно-енисейских памятников, видимо, отделился от народно-разговорного языка и уже тогда выглядел искусственным. Позже такой традиции придерживались многие тюркоязычные народы, пришедшие на смену орхонским тюркам, — древние уйгуры и киргизы, затем тюрки Караханидского государства и Средней Азии. А. М. Щербак указывает, что «письменная традиция, существовавшая на берегах Орхона, в Турфане и Кашгаре в период с VIII в. по XI в., была традицией одного тюркского языка или одной группы тюркских языков»⁷¹. Оба упомянутых автора подчеркивают вытекающий из сказанного вывод о том, что использование памятников этих эпох для воссоздания истории конкретных тюркских языков требует большой осторожности.

А. Т. Кайдаров, не рассматривая современный уйгурский язык как результат прямого развития древнеуйгурского языка V—X вв., предпочитает называть их связь «преемственной», ибо в современном уйгурском языке сохранилось больше элементов языка древних уйгуров, нежели в иных тюркских языках⁷². А. Т. Кайдаров касается также проблем языковой преемственности в караханидский и послекараханидский периоды развития литературных языков Восточного Туркестана и Средней Азии и роли древнеуйгурской языковой традиции в это время⁷³.

Нашими учеными было опубликовано несколько целостных описаний языка орхоно-енисейских памятников различной полноты. Сжатое систематическое изложение фонетики, морфологии и синтаксиса этих древнейших памятников содержится в очерке, написанном В. Г. Кондратьевым⁷⁴. Рассматривая различные грамматические показатели, автор стремится сопоставить их не только в общетюркском плане (особенно часто с аналогичными явлениями в древнеуйгурских текстах), но и в плане общеалтаистическом, опираясь при этом на этимологии Г. Рамстедта, В. Котвича и других исследователей и определяя собственное отношение к ним. В. Г. Кондратьев на основании сравнения фонетических и морфологических особенностей орхонских памятников выделяет два диалекта единого древнеогузского языка — собственно тюркский (Кошо-Цайдамские памятники) и уйгурский (Тоньюкук, Моюн-чур и, возможно, Онгинский и Кули-чур). Он также подчеркивает близость языка памятников с огузскими языками и с якутским.

Книга Г. Айдарова об орхонских памятниках⁷⁵ включает разделы по фонетике, лексике⁷⁶, морфологии, синтаксису, а также репродуцирование рунических текстов из хрестоматии С. Е. Малова, их транскрипцию и перевод. К сожалению, автор опирается только на указанное издание С. Е. Малова и не учитывает многочисленные последующие поправки к текстам, а также достижения современной тюркологии в области разработки общей, в том числе и древнетюркской, грамматики и лексикологии,

Сводка 160 аффиксов, встречающихся в енисейских и орхонских памятниках, завершает это интересное справочное пособие⁸⁷.

В ряде работ рассматриваются вопросы словообразования и связанные с ним явления в древнетюркских языках. Причем на материале как группы памятников, так и всех их в совокупности описываются либо вся структура словообразующих средств в целом, либо отдельные ее разделы⁸⁸. Очень часто для сопоставления привлекаются современные тюркские языки, и тогда авторы регистрируют семантическое и функциональное соотношение словообразующих формантов в языках различных хронологических срезов.

Попытку фонологической интерпретации фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей предпринял И. Н. Кобешавидзе⁸⁹. Касаясь характеристики рунического алфавита, он отметил, что этот алфавит построен на морфонологической, а не фонологической основе и отражает скорее систему частных дифференциальных признаков, нежели самих фонемных единиц. Такой морфонологический принцип построения алфавита облегчает целостное зрительное восприятие слова как единого, гармонически настроенного звукокомплекса. По мнению автора, система гласных в памятниках имела не классическую геометрически кубическую форму, а усеченную, ибо фонема [i] выступала в качестве комбинаторного варианта [i]; в сфере согласных выделяются 16 фонем, среди которых только в группе взрывных и у щелевых [s] и [z] наблюдается «довольно симметричное противопоставление по глухости — звонкости».

С последним утверждением И. Н. Кобешавидзе и ряда других авторов не соглашается Э. Р. Тенишев⁹⁰. Основываясь на особенности дистрибуции смычных согласных в языке памятников, имеющей аналогию в современном саларском и сарыг-йугурском языках, он считает более вероятным предположить существование и в орхоно-енисейском языке противопоставления в системе смычных «по признаку слабый — сильный, точнее — слабый глухой — сильный глухой с придыханием». Высказывается также предположение, что такая система обуславливалась наличием тюрко-китайского двуязычия, в силу которого она и не оказалась «полностью усвоенной языком орхоно-енисейских памятников», а выступала лишь как определенная тенденция.

Отражением этой же тенденции является, по мнению Э. Р. Тенишева, и наблюдающийся в рунической письменности перебой s/š, произвольные, не ограниченные какими-либо позиционными или фонетическими условиями колебания в написании s и š⁹¹. Видимо, в китайском диалекте, оказавшем влияние на язык древних тюрков, не было различия s и š, и благодаря тюрко-китайскому двуязычию это явление нашло отражение в текстах рунических памятников.

А. С. Аманжолов же подобное колебание в древнетюркских письменных памятниках, включая и древнеуйгурские, рассматривает как отражение влияния на письменную традицию живой разговорной речи, где соответствие s/š, очевидно, восходило к общетюркскому языковому состоянию⁹².

Статистическое обследование распределения широких и узких гласных в основах и в аффиксах на двух исторических срезах тюркских языков — древнетюркских текстах и современном казахском языке — показало сходную частотность, что позволило выдвинуть гипотезу о «пассивном характере» процессов фонетических изменений в тюркских языках⁹³.

Комплексное описание категории глагола в языке орхоно-енисейских памятников было предпринято в диссертации М. А. Ахметова, в которой учитываются все корневые и производные глаголы, а также все аффиксы глагольного словообразования и словоизменения⁹⁴. Одной из популяр-

ных глагольных тем является исследуемая в разных аспектах категория деепричастий, многократно представленная на всех этапах описания древнетюркских языков. Здесь можно назвать специальные статьи М. А. Ахметова⁹⁵ и А. Кулиева⁹⁶, обратившихся к деепричастиям в данном случае в сопоставительном плане. Рассматривая статус формы на -saγ в языке рунических надписей, И. Н. Кобешавидзе установил, что значение условности в ней еще не являлось главным, а находилось в начальной фазе своего формирования, поэтому, возможно, несколько сомнителен и факт наличия в языке специального условного наклонения⁹⁷. П. И. Кузнецов продолжил свои исследования в области всестороннего анализа семантики и функций одной из древнейших и многозначных форм тюркского глагола — формы на -duk. Развивая гипотезу о вербально-финитном характере этой формы, он предпринял попытку истолкования конструкций -duk ücün ~ dukup ücün как сказуемых придаточных предложений⁹⁸. Обзор всех причастных форм и их функций представлен в статье А. Кулиева⁹⁹.

С глагольной тематикой связана также и монография А. С. Аманжолова, где рассматривается управление древнетюркского глагола в связи с некоторыми аспектами его словообразования¹⁰⁰. Поднятые в книге важные вопросы исторического синтаксиса тюркских языков разрабатываются на материале как орхоно-енисейских, так и древнеуйгурских памятников. Автор описывает особенности управления прямо- и косвеннопереходных глаголов (корневых и производных), а также изменения управления глаголов при залогообразовании. Содержательная монография А. С. Аманжолова представляет собой один из первых опытов углубленного исследования синтаксической связи компонентов объектного словосочетания в древнетюркских языках¹⁰¹.

Самый малоупотребительный в рунических надписях взаимный залог глагола рассматривается в статье А. А. Раджабова, в которой много места отводится автором также изложению известных мнений тюркологов об этой категории и гипотез о происхождении форманта -š¹⁰². В другой статье А. А. Раджабова анализируются в этом же плане формы страдательного залога, который автор противопоставляет безличному, образуемому от непереходных глаголов. В памятниках показателями страдательного залога выступают аффиксы -л и -н, причем последний, по мнению автора, <-л¹⁰³. Коснулся А. Раджабов и вопроса о перифрастических формах глагола, хотя в орхоно-енисейских текстах им отмечена всего одна форма, которая, кстати, может толковаться и как неперифрастическая (ср.: *körür közüm körmäs tāk... болты. — Ктб. 50 'зрячие очи мои словно ослепли')*¹⁰⁴.

В публикациях меньше места уделяется именным частям речи в языке древнетюркских памятников. Некоторые выводы из сравнения указательных и вопросительных местоимений в рунических памятниках с современными казахскими в связи с их этимологиями сделаны в статье А. Есенгулова¹⁰⁵. Б. Осмоналиевой рассматриваются только вопросительные местоимения, причем автор привлекает для сопоставления, кроме киргизского, и другие алтайские языки, разбирает этимологии, оценивает их вероятность и применимость к местоимениям киргизского языка¹⁰⁶.

Служебные части речи в орхоно-енисейских памятниках анализируются в статьях Г. Айдарова¹⁰⁷ и А. Раджабова¹⁰⁸.

В настоящей статье не представляется возможным рассмотреть во всех деталях работы, специально посвященные описанию тех или иных сторон языка древнетюркских памятников; вне поля зрения остались также и многочисленные публикации, где древнетюркские языки не являются основной темой исследования: это разработки по истории кон-

кретных тюркских языков, тюркской сравнительно-исторической грамматике и лексикологии, алтаистике, изучению заимствований из тюркских языков, этимологии и т. п. Это, наконец, труды литературоведов, занимающихся историей тюркской литературы, фольклористикой, поэтикой, а также специалистов по тюркской истории, этнографии, археологии. Растущее год от года число публикаций по древнетюркским памятникам, и не только в нашей стране, но и за рубежом, делает актуальным создание специального библиографического справочника по всему комплексу проблем, связанных с изучением этих памятников. Ведь со времени составления последней библиографической сводки, охватывающей дореволюционную литературу¹⁰⁹, прошло более семидесяти лет, и за этот период накоплено огромное количество публикаций по данной теме, часть из которых остается малоизвестной даже специалистам, не говоря уже о широких кругах тюркологов¹¹⁰.

В настоящее время в публикациях наших тюркологов широко разрабатываются вопросы языка памятников орхоно-енисейской письменности, язык же древнеуйгурских обширных текстов исследуется менее интенсивно. Ограниченный объем рунических текстов является причиной того, что темы исследований повторяются, в них постоянно используются одни и те же примеры (напомним, что в этих текстах всего лишь около 1700 лексем, из них — 182 глагольных корня, 160 различных аффиксов, около 870 употреблений времени на *-ды*, 130 — на *-мыш*, 35 — на *-ур* и т. п.). Видимо, настало время отказаться от многократного дублирования (часто неоригинального!) описаний ограниченного языкового материала и бесперспективного его сопоставления с современными языками, а все внимание сосредоточить на узловых вопросах изучения древнетюркских языков в связи с подготовкой сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

¹ «Тюркологический сборник 1970». М., 1970.

² Библиографическую справку см.: А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского Комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 11, прим. 16. См. также: Ш. Шукуров. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1974; В. Асланов. Историческая лексикология азербайджанского языка (проблема реконструкции). Автореф. докт. дисс. Баку, 1973.

³ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. II.

⁴ А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии., стр. 6.

⁵ См.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая эпиграфика: итоги и перспективы изучения. — [ПП и ПИКНВ] VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1970, стр. 83—85; В. Г. Кондратьев. К восьмидесятилетию дешифровки тюркской рунической письменности. — «Советская тюркология», 1974, № 1, стр. 58—62.

⁶ См.: А. Д. Грач. Новые данные о древней истории Тувы. — «Ученые записки ТувНИИЯЛИ», вып. XV, 1971, стр. 102.

⁷ См.: И. А. Батманов, А. Ч. Кунаа. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. III. Кызыл, 1965, стр. 5—6, 9—18.

⁸ С. Г. Кляшторный. Темирсугская руническая надпись. — [ПП и ПИКНВ] VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1971, стр. 19—21; С. Г. Кляшторный, И. У. Самбу. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе. — «Ученые записки ТувНИИЯЛИ», вып. XV, 1971, стр. 245—249. В публикациях представлены фотография, прорись, транскрипция, перевод надписи, а также комментарии.

⁹ С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев. Эпиграфические исследования на верхнем Енисее. — «Археологические открытия 1973 г.». М., 1974, стр. 208; см. также: С. Г. Кляшторный. Руническая эпиграфика в Саянском каньоне Енисея. — «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.». М., 1972, стр. 400;